

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1630-1642
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1630

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Last Nomads of Eurasia: the Loss of the Prestige of the Supreme Power and the Crisis of the Kazakh Statehood (on the Example of the Junior Horde)

Galiya A. Shotanova ^{a, *}, Ernar M. Uzhkenov ^b, Zaure S. Tabynbaeva ^b, Anar D. Arepova ^a

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article discusses the main causes of the crisis of sovereignty of the Kazakhs of the Junior Zhuz, which subsequently led to the loss of independence, first in Western Kazakhstan, and later in other parts. The causes themselves of the crisis of the khan's power were sown deep within nomadic state, where, despite the right of primogeniture and the time-honored dynastic tradition, nevertheless, the strong positions of the steppe aristocracy remained, and not only among the representatives of the “white bone”, but also the nomadic nobility from among the “black bone”.

To the external reasons for the elimination of statehood among the Kazakhs, internal reasons were added, expressed not only in the intensification of internecine struggle, but also the general economic decline of the entire Central Asian region, associated with the consequences of the Dzungarian invasion and the crisis of urban culture. In fact, the Kazakh state at the beginning of the 18th century was the last state of Eurasia, where the nomadic economy fully dominated over other forms of life. Although Kazakh society traditionally belongs to the types of economy that did not depend so much on trade with settled centers, nevertheless, the decline of urban culture in the south led to increased contacts with the Russian Empire in the west, north and east of the country, which in turn affected the strengthening of economic dependence on the Russian market.

The elimination of the traditional khan status led to various difficulties in the further development of the conservative Kazakh society. The combined internal, external, economic and cultural reasons led to a decline in the prestige of the supreme power, and as a consequence, its abolition by the imperial administration. That is why the authors made an attempt to restore the picture of the external and internal situation in the Kazakh Steppe after the death of the last universal Kazakh khan and analyze the causes of the decline of the Kazakh state. Previously, there were numerous attempts by scientists to restore the realities of the political life of the Kazakh khanate, which from the 30s of the XVIII century began to feel new hardships of the situation that had developed by this period, however, these studies were mainly based on the previous, earlier established approaches and, as a rule, did not take into account the mentality, folklore sources and other previously unused approaches, which could not but affect the distortion of historical reality. Therefore, the authors in this article have tried to restore the general historical background of the collapse of the last nomadic state of the Eurasian steppes.

Keywords: abolition of power, steppe aristocracy, Kazakh Steppe, protests, Abylkhair, Abylai, Kalmyks, Cossacks, Dzungarian Khanate, Dzungars.

1. Введение

Перемены в деле управления новыми землями в Российской империи начинаются с начала XIX века, когда прежняя форма вассалитета кочевой элиты сменяется на полную зависимость. Победа над Наполеоном и походы в Европу познакомили правительство Российской империи с более

* Corresponding author

E-mail addresses: galia8.09@mail.ru (G.A. Shotanova)

централизованной и упорядоченной системой управления зависимыми территориями. В итоге все заимствованные нововведения в Российской империи стали основой для завершающего этапа окончательной колонизации казахских степей и ликвидации последних атрибутов кочевого государства, как, например, института ханской власти.

Титул хан имел свои особенности в условиях кочевого образа жизни. Хан – не только полководец, но и символ самой сути государственности. Смерть хана всегда подразумевало тяготы и потрясения для населения. Сакрализация титула правителя для истории дело вовсе не новое, но сама специфика кочевого строя с его довольно частыми конфликтами не могла служить базисом для длительного устойчивого развития. Именно поэтому роль хана должна была включать в себя все основные функции правителя. Руководство военными силами, контроль над распределением пастбищ, верховная судебная власть, а также контроль над внешней политикой – все это относилось к должностным обязанностям хана. Такая централизация в одних руках, естественно, как облегчала руководство обществом, так и приводила в случае смерти правителя к очередному витку междоусобиц. Возросшая зависимость степной аристократии от колониальных властей постепенно сменилась сначала к прерогативе утверждения в ханском достоинстве кандидата, далее к назначению, а уже по мере ослабления авторитета ханского звания и его отмене.

2. Методы и материалы

В рамках написания статьи использованы документы фондов Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), Государственного архива Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация), Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Российского государственного военно-исторического архива (Москва, Российская Федерация), Архива внешней политики Российской империи (Москва, Российская Федерация), а также жалованные грамоты российских правителей казахским ханам ([Грамота императрицы..., 1739: 1](#); [Грамота императрицы..., 1771: 1](#); [Грамота императрицы..., 1789: 1](#)) выявленные из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н. Лобачевского (г. Казань). Фонды содержат сведения об активизации внешней политики Российской империи накануне окончательного распада Казахского ханства ([Грамота, 1789: 1](#)), о предпосылках ликвидации ханской власти в Младшем жузе ([РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а](#)), а также о взаимоотношениях представителей царской администрации с отдельными представителями степной знати Казахского ханства и среднеазиатскими государствами ([ГАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 843а](#); [ГАОР. Ф. 6. Оп. 10. Д. 224а](#)).

Следующую группу источников составили документы личного происхождения. Сведения о контактах с соседствующими калмыками и другими народами нашли отражение в записках и дневниках европейских путешественников Г. Форстера ([Forster, 1798](#)), Е. Эверсмана ([Eversman, 1823](#)); Т. Аткинсона ([Atkinson, 1858](#)), М. Дженкинсона ([ГАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 869](#)).

Вместе с тем существенную помощь в реконструкции политической ситуации XVIII в. оказали различные сборники документов и материалов по истории дипломатических и политических отношений с Российской империей и Цинским Китаем ([Из истории..., 2019](#); [Цинская империя..., 2020](#)) а также сборник оригинальных текстов писем казахских ханов и султанов монархам и чиновникам России и соседних восточных государств ([Письма калмыцких ханов..., 2009](#); [Эпистолярное наследие в 2 кн., 2014](#))

Данное исследование предполагало использование не только общих научных методов и подходов, но и применение новых. В этой связи были применены методы исторического исследования, такие как хронологический, нарративный, историко-типологический, сравнительно-исторический, метод актуализации и ретроспективы. Проработать некоторые принципы управления окраиной изучаемого периода помог также метод микроисторического анализа. Для выявления достоверной информации и попытки переосмысления степени влияния соседних государств на кочевую элиту Казахской Степи в XVIII – начале XIX вв. были применены методы критического анализа и визуальной антропологии. Метод визуальной антропологии в последнее время широко используется в разборе исторических событий и встречается, к примеру, в трудах таких историков, как Т.Т. Далаевой, Г.С. Султангалиевой ([Далаева, Султангалиева, 2022: 39](#)), С.Е. Ажигали ([Ажигали, 2007: 41](#)), Л. Мазур ([Мазур, 2025: 167](#)) и др.

3. Обсуждение

Вопрос потери престижа верховной власти и кризис казахской государственности на примере Младшего жуза обладает солидной библиографией. Научные исследования последних лет, к примеру, авторитетных авторов, как К.Ш. Хафизовой ([Хафизова, 2019](#)), И.В. Ерофеевой ([Ерофеева, 2018](#)), Г.Б. Избасаровой ([Избасарова, 2022](#)), Н.Н. Крадина ([Крадин, 2020](#)), В.В. Трепавлова ([Трепавлов, 2018](#)) дают нам возможность реконструировать социально-политическую ситуацию Казахского ханства в условиях геополитических изменений.

Предыдущий XVII век для казахов во многом стал переломным. После крупных успехов почти по всем направлениям внешней политики, в особенности на юге, Казахское ханство стало испытывать ряд ощутимых проблем. На первый план выходил традиционный для всех кочевых государств

сепаратизм, который во многом подпитывался географическими условиями и несовершенством коммуникаций. В работе советских авторов Б.С. Сулейменова и В.Я. Басина рассматривается влияние власти на характер правителей. Они делают акцент на то, что, оказавшись во главе крупных племенных групп, любой наместник рано или поздно начинал подчиняться, если не во всем, то во многом воле родоправителей (Сулейменов, Басин, 1981: 62). Все это ослабляло центральную власть и не позволяло усилить центробежные тенденции, которые имели место быть ранее. Ввиду усилившихся военных столкновений, на первый план стали выходить народные герои – батыры, которые и встали во главе родовых ополчений (Мұқамбетханұлы, 2010: 87, 109, 115). Постепенно, именно в их руках стала концентрироваться вся власть. О том, что «ханы стали опираться на поддержку батыров, надеясь тем самым уменьшить влияние султанов» описывается в исследованиях отечественных авторов Е.Д. Турсынова (Турсынов, 2017: 146-147) и И.В. Ерофеевой (Ерофеева, 2018: 156). Если подобной поддержки удавалось добиться, то этот хан действительно мог претендовать на всю полноту власти, что можно наблюдать в работах известного востоковеда К.Ш. Хафизовой (Хафизова, 2019: 166). Последним таким всеказахским ханом, имевшим всю полноту законодательной, военной и политической власти был Тауке. Однако после болезни «Тауке во многом устранился от принятия наиболее важных решений, что автоматически привело к усилению роли ханов жузов» (Эпистолярное наследие в 2 кн., 2014: 82-83).

Помимо внутривластных неурядиц, стало сказываться и общее ухудшение внешнеполитической обстановки. Неспособность защитить отдаленные земли «от разоряющих набегов, упадок хозяйства и прочие сопутствующие причины усилили тягу к самостоятельности местных управителей» (Ужкенов, Шотанова, 2020: 441). Известный ученый Н.Н. Крадин в работе «Кочевники и всемирная история» склоняется к тому, что данная ситуация характерна для многих государств (Крадин, 2020: 65). Однако отметим, что «сами традиции государства продолжали существовать в Казахской степи, пусть и в усеченном виде» (Муктар, 2008: 47).

При исследовании причин политического кризиса в Казахских степях важно учитывать изменения, произошедшие в системе престолонаследия. Некоторое время власть передавалась по старшинству в семье, что соответствовало старинной практике степных народов. Впрочем, начиная с XVIII в., наблюдается «тенденция к передаче власти по прямой линии наследования» (Хафизова, 2019: 256-257). Характерным примером представляется передача власти Абулхайр-ханом своему сыну Нуралы, несмотря на свое противостояние с ним. Эти изменения в традиции престолонаследия в Казахской Степи описывается в работе И.В. Ерофеевой «Символы Казахской государственности» (Ерофеева, 2001: 15-16), а также в исследовании В.В. Трепавлова «Символы и ритуалы в этнической политике России XVI – XIX вв.» (Трепавлов, 2018: 33). Еще один пример - передача власти сыну Уали и другими наследниками от Абылай-хана. Эти изменения обусловлены укреплением влияния соседних государств, где престолонаследие государств происходило на иной, прямой основе, характерной для оседлого образа жизни.

Сам кризис единого государства в казахстанской исторической науке, а именно дата утраты независимости, традиционно ассоциируется с датой принятия подданства ханом Абулхайром (Ажигали, 2007: 41), возглавлявшего Младший и часть Среднего жузов. Кроме того, негативное восприятие роли Абулхайра в нашей истории продолжает существовать и по настоящее время.

В разные исторические периоды личность Абулхайр-хана оценивалась по-разному. Его действия как правителя части казахов также «трактовались через призму политических обстоятельств времени» (Izbassarova et al., 2023: 77). Образ победителя в одной из ключевых битв советской эпохи сменился на образ коварного правителя, стремившегося к единовластию при поддержке Российской империи. Самый полный и достоверный портрет личности Абулхайр-хана был представлен в одной из научных работ И.В. Ерофеевой (Ерофеева, 2007: 10). Со времени выхода данного научного труда историческая наука в Казахстане неуклонно продолжала развиваться, осваивая новые методы и подходы, применение которых позволило пересмотреть устоявшиеся взгляды.

Следует отметить, в основном советская историография склонялась к тому, что причины принесения присяги всегда рассматривались только в одном ключе, где народы искали спасение от неизбежного истребления со стороны агрессивных соседей. Внутренние причины принесения присяги прежде самостоятельными владыками всегда трактовались как решение комплекса внешнеполитических проблем.

В дореволюционной историографии присяга Абулхайр-хана с самого начала описывалась как шанс избежать окончательного поражения от джунгарских войск. Свою лепту в эту трактовку внес и знаменитый казахский ученый Ч.Ч. Валиханов, когда он описывал события одного из этапов казахско-джунгарской борьбы следующим образом: «1723 г. особенно памятен киргизам (казахов) своим роковым характером и сохранился в народной памяти. В этот злополучный год, сопровождавшийся глубокими снегами и гололедицей, Галдан-Церен, джунгарский хонтайши, с несметным чериком (войском) вторгается в Киргизскую степь для наказания кайсаков и бурутов за прежние их набеги и буйства. Преследуемые повсюду свирепыми джунгарами, киргизы ... бегут на юг, оставляя на своем пути имущество, исхудалый скот... Не находя в среднеазиатских песчаных степях сытных пастбищ и вступив во вражду с новыми соседями, киргизы обращаются к границам

могущественной России, чтобы искать ее помощи» (Валиханов, 1985: 111-112). Этот период носит название в устной историологии казахского народа как «Ақтабан шұбырынды, Алқакөл сұлама» (Мұқамбетханұлы, 2010: 88). Столь жестокое поражение казахов в борьбе с врагом стало основанием для возникновения мнения о неизбежном истреблении казахов от рук соседей, а следовательно, сама идея присяги выглядит логичным шагом для любого дальновидного правителя. Здесь в первую очередь речь идет об «1723 г. как о пике бедствий казахов» (Валиханов, 1985: 111-112).

Победа над джунгарами была одержана в конце 1730 г., а принесение присяги состоялось зимой 1731 г. Хронология событий, приведших к присяге, показывает, что ко времени принесения присяги Абулхаиром, «джунгарская угроза если была не снята с повестки внешней политики казахских ханов, то явно перестала быть основной» (Касымбаев, 1999: 2, 100). Кроме этого, в свете современных знаний и открытий, следует пересмотреть саму концепцию взаимоотношений между кочевыми народами. Из устной исторической традиции известно, что многие племена находились в дружественных отношениях. К примеру, «джунгарский хунтайджи сразу после поражения в Аныракайской битве единственному из числа казахских ханов предложил Абулхаиру свою дочь для закрепления связей и будущего союза» (Касымбаев, 1999: 2, 100). Почти все казахские ханы имели жен из числа калмычек или джунгарок, что конечно, вовсе не свидетельствует о добровольности таких браков. Практически вся борьба с джунгарами в 1740-1750 гг. шла либо на границе казахских земель, либо в глубине джунгарских территорий. Следует отметить, что после поражения от китайских войск, многие джунгары нашли укрытие в казахских аулах, так что теория о бескомпромиссной войне между кочевниками абсолютно несостоятельна.

Вторым основанием в дореволюционной историографии для присяги Абулхаир-хана считается стремление Абулхаир-хана при поддержке Российской империи стать главным ханом. Предписываемое Абулхаир-хану коварство со стороны дореволюционных историков является по большей части домыслом, нежели подтвержденным фактом. Безусловно, как и всякий правитель, Абулхаир-хан, «будучи дальновидным политиком, видел укрепление Российской империи на западных рубежах Казахской Степи и вполне естественно вступал в дипломатические отношения с соседними правителями, где отстаивал собственные интересы» (Ерофеева, 2007: 10). Эти умения и опыт пригодились ему при переговорах и с представителями царской администрации, так что приписываемое ему коварство, как минимум вызывает сомнения. Важно понимать, что ученые XIX века слабо представляли себе иерархию и природу ханской власти в Казахской Степи.

4. Результаты

В Казахской Степи главный хан, как правило, должен был иметь авторитет в родах Старшего и Среднего жузов, и хотя после общей победы в Аныракайской битве авторитет Абулхаира как главного полководца был весьма высок, но ввиду сильных позиций местных родоправителей Абулхаир-хан вряд ли мог рассчитывать на поддержку местных элит. Интересным фактом является то, что Абулхаир хан все-таки называет себя ханом и Среднего жуза. Так, в тексте присяги упомянуто (*точный перевод А. Исина – от автора*), что: «...Поскольку этот Алдарбай просил посла к Вашему Императорскому Величию, мы, Абулхаир-хан, сорок санов казахов, Средней и Младший жузы со всеми подвластными мне караша склоняем голову» (Қожақұлы и др., 2020: 155). Однако это упоминание, по всей видимости, было рассчитано на слабое понимание российскими чиновниками реалий политической борьбы в Казахских степях, поскольку Абулхаир-хану из родов Среднего жуза подчинялись только казахи рода аргын, подвластные его стороннику Жанибеку багыру.

Помимо этого, следует обратить внимание, что за период ряда поражений в первые десятилетия XVIII в. Казахское ханство утратило свою целостность. Например, из источников известно, что рода племени найман имели собственного хана – Барака, который вовсе не стремился к поддержке центробежных стремлений Абулхаир-хана. Кроме того, хотя после победы в Аныракайской битве Абулхаир смог посадить на престол Старшего жуза своего брата Жолбарыса, всеми делами там управляли бии и другие старшины, которые во многом ориентировались на среднеазиатских правителей.

Следовательно, стремление Абулхаир-хана к единовластному правлению можно считать неосуществимым и, конечно, будучи опытным человеком, он не мог это не понимать. Есть еще один фактор, также мало учитываемый дореволюционными историками: Абулхаир-хан фактически уже был старшим ханом (Хафизова, 2019: 9), по крайней мере, с ним советовались все остальные независимые правители. Титул «старшего хана» не означал всю полноту политической власти, однако предполагал право решающего голоса. Данный титул не являлся наследственным, а во многом объяснялся личными заслугами самого правителя и более того, этот титул вовсе не являлся постоянной величиной, и носитель этого «квазититула» мог его лишиться в случае ряда поражений или других неудач.

Исходя из вышеперечисленного, причины принесения присяги лежали вне плоскости сугубо внешнеполитических проблем, а во многом зависели от начавшейся трансформации природы власти в кочевых обществах. Понимание причин и мотивов принятия присяги Абулхаир-ханом можно проследить, исходя из его действий и направлений походов.

Сама хронология событий, приведших Абулхайр-хана к присяге, изменившей весь ход истории Казахстана, несет в себе ряд противоречий. После одной из решающих побед в битве, буквально через месяц Абулхайр-хан дает вассальную присягу, следует обратить внимание на текст присяги, который довольно необычен. По сути, весь текст присяги подразумевает мирное сосуществование с другими кочевыми подданными российской короны и участие войска Абулхайр-хана в действиях, направленных на поддержку российской императрицы, что направлено на «степень центробежных процессов» (Шотанова, 2022: 595). Сама царица ограничилась обещанием защиты и поддержки. Вся дань казахов заключалась в обязанности платить в казну империи символических 40 шкур лисиц. Весь остальной текст включал в себя условия торговли и обязанности наказания бунтовщиков, а также выдачи пленников и рабов.

Надо отметить, что отношения между казахами Младшего жуза и кочевыми подданными Российской империи редкий год были мирными. Еще в 1709 году казахи ограбили казачий обоз, шедший в Сызрань. Помимо мелких стычек, имевших место быть в 1711 и 1713 гг., когда были разгромлены казачьи обозы, наблюдались и крупные сражения, как например осада Яицкого городка в 1718 г. 20-тысячным казахским войском. Неумение брать штурмом привело к снятию осады через месяц, однако уже «в июле 1719 г. двадцатитысячное войско казахов во главе с Абулхайр-ханом снова осадили Яицкий городок и почти добились победы» (Ерофеева, 2007: 152). Эти действия вызвали «ответные меры со стороны казаков, как, например, поход атамана В.П. Беклемишева в 1721 г.» (Ерофеева, 2007: 174). В ответ казаками в январе была разграблена слабозащищенная Зимняя станица на р. Шагын и взято в плен 70 казаков.

Сложными были отношения и с калмыками. Одним из свидетельств является донесения, датированное 28 ноября 1723 года князя А.П. Волынского Военной коллегии. Здесь говорится, что «войска Абулхайра в первых же сражениях с калмыками наголову разбили улусы тайши Лекбея численностью около 2 тыс. семей, захватили большое количество пленных, множество голов скота» (Ерофеева, 2007: 171), однако в целом поход был неудачным, так как не достиг своих главных целей.

Военное противостояние в Волго-Уральском регионе не только отвлекало казахские войска от противодействия с джунгарами, но и осложняло в целом внешнеполитическое положение казахов. Только в 1729 г., воспользовавшись временным перемирием с калмыками, Абулхайр-хан смог разбить джунгар в Аныракайской битве. Более того, упрек дореволюционных историков в коварстве Абулхайра вполне оправдан тем, что и после присяги он продолжал отстаивать право казахов на земли в Волго-Уральском регионе. Например, «13 февраля 1746 г. казахское войско численностью 1500 человек, возглавляемое Абулхайром, обошло форпосты Яицкой линии ниже Гурьева, перешло на правый берег реки и напало на калмыков, отогнав большие табуны лошадей. Они разгромили русские поселения и увезли с собой 638 человек русских и калмыков» (Ерофеева, 2007: 374). Ровно через год, в январе 1747 г., такой же набег повторили 500 жигитов Абулхайра. Эти военные действия показывают, что, с одной стороны, после присяги мир между народами региона не был достигнут в полной мере, а с другой стороны, что Абулхайр-хан все еще считал себя независимым правителем, свободным от принятых обязательств.

Подлинными причинами факта принесения присяги для Абулхайр-хана были, по-видимому, специфика ведения кочевого хозяйства. Зависимость кочевников от торговли с оседлым населением всегда была высокой. К примеру, в отличие от казахов, «торговля Ирана с туркменами служила своего рода оружием. Закрывание рынков приводила к междоусобным войнам среди туркменских племен» (Эпистолярное наследие в 2 кн., 2014: 141). Нашествие джунгар привело к упадку городской культуры Южного Казахстана и Средней Азии, что привело к поиску новых торговых партнеров и к усилению взаимосвязи Российской империи с Центральной Азией. Неизбежное оседание кочевников и необходимость обеспечения доступности товаров из оседлых регионов ясно понимали и наиболее дальновидные политики, такие как Абулхайр и Абылай. Стремление опереться на города было не только следствием получения выгоды от торговли, но и средством укрепления центральной власти в кочевом обществе. Поэтому неудивительно, что одной из наиболее важных просьб Абулхайр-хана к российскому правительству была постройка города (ГАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 843а). Однако царское правительство стремилось использовать строительство Оренбурга в своих целях, что в результате перекрыло возможности прямых отношений между казахами и башкирами (ГАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 843а. Л. 3; ГАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 934. Л. 26 об.). Потеряв надежды на крепость на Урале, Абулхайр-хан просил правительство империи профинансировать строительство города на Сырдарье, где также получил отказ из-за дальности и невозможности доставить туда необходимые материалы. Перестав надеяться на Российскую империю, Абулхайр-хан начинает предпринимать меры по укреплению своих позиций в Степи.

Таковыми мерами стали действия Абулхайра на южном направлении. Еще в 1728 году, по всей вероятности, «Абулхайр-хан помог организовать свержение хивинского хана Ширгазы, также происходившего из рода казахских Чингизидов» (Эпистолярное наследие в 2 кн., 2014: 409). Кстати, именно эта занятость хивинскими делами, по-видимому, не позволила Абулхайр-хану сразу выступить в поход после победы над джунгарами в битве при Буланты. После этого «он организовал восхождение на хивинский трон сразу трех своих ставленников подряд, своего племянника Мамай,

зятя Батыра и дальнего родственника Ильбарыса (Жолбарыса)» (ГАОрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 57). Если первый ставленник погиб практически сразу в результате неудачного случая или покушения, то второй ставленник не стал испытывать судьбу и буквально через несколько месяцев бежал из Хивы. Лишь последний укрепился на ханском престоле Хивы и в целом вел независимую политику. Его прямое военное столкновение с войсками Надир-шаха закончилось его казнью, несмотря на поддержку от казахов. Однако когда Абулхайр-хан изъявил свои права на престол, то Надир-шах внешне не был против. В 1740 году Абулхайр на предложения персидского Надир-шаха отвечает так: «Я же при объявлении сего прошу: ежели, что имеете мне объявить, то оным не замедлить, почему и с моей стороны надлежащим ответом не премину, дабы без такого посредства в нечаянном случае между нашими мусульманским и вашим персидским народом не последовала кровопролитного греха. Ибо, ежели вы имеете постоянный и неразрывный с е.и.в. всероссийскую мир, то и с нами учинить вам потребно, буде же с е.и.в. намерены вы подвигнуть войну, то и с нами оное продолжать не оставляйте...» (Эпистолярное наследие в 2 кн., 2014: 139). Здесь стоит отметить, что Абулхайр-хан прибегнул к упоминанию что пользуется полной поддержкой Российской империи. Для подтверждения своего блефа он использовал послов России на переговорах с Надир шахом. Однако, переговоры были сорваны, а сам Абулхайр был вынужден уйти из Хивы. Хотя в целом его сын Нуралы смог вернуться на престол, он не смог его закрепить за своей семьей.

Столь яростная борьба за Хиву, как представляется, была нужна Абулхайру как раз в качестве закрепления Хивы в качестве его столицы. В тоже время «старший сын Нуралы довольно долго был ханом приаральских казахов и каракалпаков, а позже стал ханом мангышлакских туркмен» (Эпистолярное наследие в 2 кн., 2014: 173). Вышеупомянутый брат Абулхайра «Жолбарыс, стал ханом Старшего жуза», о чем свидетельствует обращение императрицы Анны Иоановны к хану Старшего жуза Жолбарысу (*Илбарис – в письме е.и.в. А.И*) от 1739 г. (Грамота императрицы, 1739: 1). Следует отметить, что под властью семьи Абулхайра находились большие территории и довольно многочисленные ресурсы. Стремление Абулхайра, как представляется, заключалось в формировании нового государственного объединения, где Младший жуз был бы основой, Хива – столицей, а подвластные племена – щитом против вероятных противников. К этому следует отнести и другие внешнеполитические действия Абулхайра, как например приглашение его на ханство в Башкирию или желание породниться с джунгарским хунтайджи. Этот широкий охват территории «послужил бы основой для противостояния с новыми угрозами, будь то Джунгарское ханство, Российская империя или государство Надир шаха» (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1741 г. Д. 4. Л. 60). Понятно дело, что сама система, выстроенная в рамках одной семьи, была несовершенной и рыхлой. Тот же Нуралы, все больше демонстрировал тягу к полной независимости, «заручившись поддержкой нового Оренбургского губернатора Неплюева» (ГАОрО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 18. Л. 286). По сути, все мечты Абулхайра-хана разбились об привычный сепаратизм кочевой элиты.

Усиление влияния российского правительства также не позволило Абулхайру в полной мере реализовать все свои планы. Данное влияние реализовывалось через режим недопущения кочевников на ту или иную территорию, а также в создании военных пограничных линий.

Такие меры царского правительства по ограничению природной мобильности кочевников конечно не могли не привести к росту недовольства кочевников, которые заставляли свою аристократию предпринимать меры к более решительной защите интересов рядовых кочевников. Естественно, не всегда удавалось этого добиться только путем переговоров и поэтому «растущее недовольство приводило местное население к различным мерам выражения своего недовольства, начиная от простой перекочевки подальше от российских границ до восстания. В свою очередь подавление восстаний требовало от царского правительства значительных ресурсов для подавления, включая финансовые и человеческие, что, учитывая ограниченность местных сил на первых этапах, являлось нежелательным событием для царской администрации» (РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 542. Л. 1).

Важной частью царской стратегии было ведение переговоров и уступок части политических представителей кочевников. Например, применение тактики уступок на практике было распространено в деятельности местной администрации, например, в удовлетворении требований казахов в период восстания среди казахов под руководством Сырыма Датуглы. Надо отметить, что несмотря на факт вхождения казахских земель в состав Российской империи с момента присяги Абулхайра, впоследствии казахские правители сохраняли высокую степень автономии.

В качестве наглядного примера можно указать на действия Абылай-хана в области внешней политики. Например, Абылай-хан вел бои с кыргызами, джунгарами, цинскими войсками и государствами Средней Азии, что кажется не совсем совместимым с российским суверенитетом. Заметен и «сам факт заключения внешних договоров Абылаем, независимо от позиции царской администрации» (ГАОрО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 224а. Л. 4).

Отмена ханской власти в Казахской степи нанесла существенный урон самому принципу наследования ханской титулатуры, а также всей политической системе казахов, поскольку титул «хан» олицетворял собой государственность, а, следовательно, и сам титул вступал в противоречие с господствующей идеологией Российской империи, где уже не допускалось существование полунезависимых образований. Так, сам принцип существования зависимого во внешних делах,

но автономного во внутренних делах, подрывал единство империи, недаром квинтэссенцией идеологии выступило решение Николая I по поводу проекта создания буферного ханства между эмиратами Средней Азии и Российской империи: «в одном государстве не бывать двум властителям» (Дубровицкий, 2010: 35).

Необходимо рассматривать последние очаги государственности в более широком контексте – потере суверенитета у казахов предшествовала потеря независимости у кочевых народов Приволжья и Прикаспия. Самостоятельности лишились калмыцкие тайши, башкирские князья (беки), ногайские беки и т. д. Кавказские народы также были лишены, правда, с перерывами. Так, «Аварское ханство в середине 1850-х гг. ненадолго было восстановлено, но уже через одно десятилетие ханское достоинство было упразднено» (Хапизов, 2013: 173).

Абулхаир-хан в народной исторической памяти остался одной из самых противоречивых фигур, правление которого пришлось на самое тяжелое время казахского народа. Глубочайший кризис казахского общества того времени воплотился в скорбную память народа, известную как «Ақтабан шубырынды». Следует отметить, что Казахское ханство на тот момент уже не представляло собой единое целое, однако «определенная центростремительная инерция была достаточно сильна в казахском обществе, что в конечном итоге привело к восстановлению относительной целостности кочевого государства уже при Абылай-хане» (Из истории..., 2019: 123).

Сама личность Абулхаир-хана как великолепного стратега и полководца, опытного администратора и дипломата, обладавшего хорошим пониманием политической обстановки, безусловно нашла свое отражение в многочисленных источниках, как письменных, так и в устных. Полководческий гений Абулхаир-хан особенно ярко проявился в период ожесточенных и многочисленных войн, что вел казахский правитель на протяжении всей своей жизни. Военные заслуги Абулхаир-хана заключались не только в «организации побед и его личной отвагой, но и грамотной стратегией распределения ресурсов» (Политические портреты, 2022: 174-175).

Не обладая возможностью объединения всех своих войск в единый кулак, что вполне объяснимо условиями кочевого хозяйства и природными особенностями Казахской степи, Абулхаир-хан тем не менее достаточно своевременно реагировал на возникавшие угрозы, и благодаря природной мобильности кочевников. Исходя из скудности своих ресурсов, Абулхаир-хан использовал свои военные силы, в большинстве своем исходя из политических задач. Только прямые угрозы вынуждали его вступать в прямые военные столкновения, исключая конечно небольшие вторжения и отражения просто грабительских рейдов. Частые походы против калмыков «как правило оканчивались заключением очередного перемирия или улучшением условий, заключенных ранее» (Письма калмыцких ханов, 2009: 104; Forster, 1798: 7). Лишь джунгарская угроза требовала «объединения усилий всех боеспособных казахов, а личность Абулхаир-хана больше всего подходила на роль главнокомандующего» (ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 684. Л. 18).

Большой авторитет и его заслуги помогли ему приобрести поддержку большинства батыров и возглавить войско. Его полководческий гений особенно ярко проявился в Аныракайской битве. Исходя из тактики, принятой у кочевых народов того времени, когда после ожесточенной схватки, воины должны были разойтись для отдыха, Абулхаир напротив выбрал тактику «бесперывных атак, что и привело сначала к замешательству джунгар, а затем и к полному поражению» (Политические портреты, 2022: 203). Сама Аныракайская битва стала по сути дела воплощением идеала Абулхаир-хана, где «объединенное войско, возглавляемое сильным правителем, стало бы надежной щитом защиты казахских земель» (Эпистолярное наследие в 2 кн., 2014: 30), и в конечном итоге послужило бы основой для восстановления единства ханства.

Победа над джунгарами, кроме улучшения геополитической ситуации, придала еще больше авторитета Абулхаиру, и стало основой для реальной заявки на общеказахский престол. Будучи опытным дипломатом, Абулхаир понимал все трудности и тщетность своих надежд. Ослабленные центростремительные течения, сложившиеся благодаря «сепаратизму родовых властителей, постоянные внешние угрозы, сокращение пастбищных угодий, а самое главное ослабление традиций государственности привели к невозможности восстановления титула главного хана» (Из истории..., 2019: 123). Обладая острым политическим чутьем, Абулхаир-хан удовлетворился титулом старшего хана, что не давало ему значимых политических дивидендов, но позволяло быть в курсе всех политических перипетий, и отчасти вследствие этого, в малой степени контролировать деятельность других властителей.

Существовавший институт подготовки молодых султанов в степи, в которой будущих правителей обучали основам дипломатии и военным навыкам, включали в себя как правило и знание хозяйственных вопросов, а также практику распределения земель родовым общинам.

Тем не менее, несмотря на череду успехов, политика Абулхаир-хана была обречена на провал. Его попытка восстановить прежние модели кочевого государства, где «доминирование было закреплено за кочевниками, а оседлые поселения играли подчиненную роль и были основными налогоплательщиками, была обречена на провал» (Вульсон, 1901: 3). Общее ослабление государства, внешнеполитическое давление и внутренние центробежные течения так или иначе не могли позволить осуществиться всем идеям Абулхаира. Главный союзник Абулхаир-хана на

первоначальном этапе, Российская империя, по мере укрепления своих позиций, перестает нуждаться в нем, а делает «ставку на других влиятельных участниках политических процессов в Казахской Степи. Кроме того, даже сам сын Абулхаира, будущий хана Нуралы, под конец жизни отца во многом оппонировал ему» (Румянцев, 1910: 12-13). Поскольку это поведение не вызвало каких-либо последствий со стороны Абулхаира, то следует предположить, что на стороне Нуралы были многие представители кочевой элиты, которых полностью устраивала вассальная зависимость от России.

По сути, Абулхаир стал последним ханом из когорты старой элиты, которые во многом старались сохранить максимальный уровень своей независимости, временами вступая в военное противостояние со своими сюзеренами. После его смерти в 1748 году, власть «стала сосредотачиваться в руках степной знати» (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748. Д. 8. Л. 17), которую вполне устраивало ее вассальное положение.

Лишь Абылай-хану удалось во многом воссоздать многие традиционные основы для кочевого государства. Подчинив себе города Южного Казахстана и устранив угрозы со стороны «джунгаров и кыргызов, Абылай-хан мог позволить себе лавирование между интересами Цинской и Российской империями» (Цинская империя..., 2020: 175-176). Его политика заключалась в строгом соблюдении баланса между этими интересами и его видением будущего казахского государства, которое бы и дальше оставалось буфером между Китаем, Россией и среднеазиатскими ханствами. Его успехи во внешней политике и удачные военные акции, позволили ему закрепиться в исторической памяти как восстановитель единого государства, что не совсем соотносится с исторической реальностью того времени. Дело в том, что «Нуралы-хан, сын Абулхаира достаточно крепко держал бразды правления Младшим жузом в своих руках» (Эпистолярное наследие в 2 кн., 2014: 219), и вовсе был не намерен делиться, в том числе и с Абылаем. Здесь на первый план выступает традиция, когда рода из одного жуза могли поддержать или войти в подданство хана из другого жуза, что говорит о чувстве единого этнического родства у казахов. Как мы уже упоминали, самого Абулхаир-хана поддерживали «казахи из рода аргын в лице своего предводителя Джанибек-батыра» (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1741. Д. 3. Л. 6). Позже, это обстоятельство дало возможность Абулхаиру заявлять о себе как полноценного правителя Младшего и Среднего жузов. Абылай-хан в свою очередь также пользовался поддержкой части родов Младшего жуза, что и отразилось в народной памяти как правителя казахов из всех жузов.

Невыясненным остается вопрос об отношении самих казахов к упразднению титула «хан». Так, в советское время широко поддерживалось мнение о том, что часть батыров отрицательно относилась к самой идее ханской власти, ссылаясь на примеры Сырыма Датова, Жанкожи Нурмухамедова, Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова (Политические портреты, 2022: 174-175).

По мере продвижения Российской империи вглубь Казахской степи увеличивается и ее влияние. В частности, орудием продвижения служили организация военных укреплений, впоследствии соединявшихся военные линии, а также организация поселений, населявшихся в большей степени казаками и крестьянами из внутренних областей империи. Целью организации таких укреплений было не только наращивание военного потенциала в Степи, но и продвижение военного контингента на юг, а также отрезать казахов от практики откочевки, подальше от военных линий. Краткую характеристику новых отношений между империей и казаками в своей работе дала историк А.М. Абдильдабекова, отметив следующее: «Если с момента их зарождения в XVI в. до 30-х гг. XVIII в. это были отношения двух независимых государств, когда наблюдалось постепенное проникновение Российской империи в казахские степи, то со второй половины XVIII столетия определилась устойчивая тенденция, направленная на военное завоевание Россией территории Казахстана» (Абдильдабекова, 2012: 5).

С начала XIX в. царские власти начинают решительную колонизацию территории Младшего жуза. На наш взгляд, в волжско-уральском регионе для этого сложились самые благоприятные социально-экономические и политические условия. Избранный ханом в 1797 г. престарелый 74-летний Айшуак, в силу своего возраста добровольно передал полномочия хана своему сыну Жанторе. Сведения об избрании в 1805 г. Жанторе ханом Младшего жуза имеются в материалах военно-исторического архива «Дело об избрании в ханы Меньшей киргизской орды сына Айчувак хана Джантюри султана» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 18. Л. 4). Жанторе-хан обладал довольно мягким характером, уважал знания и ратовал за их распространение. К примеру, он интересовался музыкой, войдя в историю как создатель нового стиля в кюях. По сути, Жанторе представляет собой образ правителя, который не соответствовал этому крайне сложному историческому периоду (ГАОрО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 579. Л. 2). Дальнейшая судьба Жанторе-хана была печальной, в 1809 г. он был убит джигитами Каратай султана (ГАОрО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3. Л. 15), что послужило причиной дальнейшего витка насилия и нарастанию кризиса. В этих условиях новым ханом Младшего жуза в 1812 г. стал его брат Ширгазы. В истории западноказахстанского региона Ширгазы-хан стал самой неоднозначной фигурой. Все источники, которые во многом представлены свидетельствами колониальных чиновников, характеризуют Ширгазы крайне негативно. Этот образ стал доминирующим в отечественной историографии. Однако, следует учесть, что Ширгазы стал последним ханом Младшего жуза, а его правление, по сути, пришлось на период, который должен был положить конец прежде автономному состоянию. Совершенно ясно, что чиновники, очерняя правление Ширгазы-хана, могли

иметь целью очернить и саму сущность ханского титула, и бездарность традиционных форм политического устройства кочевников. Кроме того, Ширгазы-хан в глазах своих подданных олицетворял все пороки и недостатки колониального правления, что в свою очередь прослеживается в материале «Дело о разделении Меньшей киргизской орды на две: Меньшую и Внутреннюю или Букеевскую» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 93-94). Поэтому появление новых политических лидеров, с которыми бы связывались все чаяния и надежды казахов стало лишь вопросом времени, поскольку прежние лидеры уже были не в состоянии их осуществить. История подарила еще одну возможность казахскому народу сохранить традиционные формы своего государства в лице молодого Арынгазы-хана. Его недолгое правление приобрело массовую поддержку народа, однако «российские власти, используя разногласия между Ширгазы и Арынгазы все-таки смогли нейтрализовать последнего, а чуть позже от ханской власти был отстранен и сам Ширгазы» (Izbassarova et al., 2023: 87).

5. Заключение

Институт ханской власти, по сути, олицетворял саму идею Казахского государства. Отмена ханского титула привела к крушению самой формы политической организации кочевников, что впоследствии облегчило завоевание всей территории Средней Азии.

Потеря престижа ханского титула стала неизбежной, поскольку нараставший сепаратизм, столь характерный для кочевых государств, привел к возникновению сразу нескольких центров власти. Надо признать, что возникновение их целесообразности не вызывает сомнений, поскольку так легче контролировались окраины, в тоже время местные власти куда легче и быстрее реагировали на угрозы и выпады. На этом фоне национальные герои, как Абулхаир, так и Абылай, были людьми своего времени, и конечно понимали, невозможность продолжения существования сильного кочевого государства без учета новых тенденций и глубокой трансформации самого кочевого общества. Неизбежность крушения номадизма как явления, заключалась в том, что сам кочевой строй полностью выработал все доступные ему ресурсы для дальнейшего существования в отрыве от мирового прогресса. Поэтому несмотря на правление сильных личностей, казахское общество оказалось последним государством кочевников Евразии.

Арест и ссылка Арынгазы надолго подорвала доверие к колониальной администрации. Удаление с политической арены подобного персонажа не могло не вызвать недовольство народа, одним из выражения которого стало восстание батыра Жоламана Тленшиева в 1822 г. С уходом хана-миротворца возобновились старые междоусобицы, которые за отсутствием достаточно сильной и авторитетной фигуры попросту не смогли быть прекращены. Кроме внутренних распрей, отсутствие Арынгазы хана в Младшем жузе привело к осложнению международного положения, в частности к захвату части территорий на юге хивинцами. Хивинцы, не встречая особого сопротивления захватили без борьбы все те земли, за которые так отважно сражался Арынгазы. С нейтрализацией последнего хана которого признавал казахский народ, по сути, закончилось автономное существование Младшего жуза.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК, проект ПЦФ BR 18574064 Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова «Историко-культурное наследие Казахстана и Центральной Азии в собраниях зарубежных архивных фондов» на 2023–2024 гг.

Литература

Абдильдабекова, 2012 – Абдильдабекова А.М. Изучение казахско-русских отношений XVIII – XIX века в российских исследованиях конца XX века. // *Международный научно-исследовательский журнал*. 5(5) 2012. 136 с.

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Ажигали, Бекназаров, 2007 – Ажигали С. Е., Бекназаров Р. А. Хан моласы – место захоронения Абулхаир-хана (ок. 1680-1748) // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана*. 2007. № 2(11). С. 11.

Валиханов, 1985 – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата: Главная редакция Казахской Советской энциклопедии, 1985. 461 с.

Вульфсон, 1901 – Вульфсон Э.С. Киргизы. М.: Издание кн. магазина торгового дома С. Курнин и Ко, 1901. 79 с.

ГАОРО – Государственный архив Оренбургской области.

ГАРТ – Государственный архив Республики Татарстан.

Грамота..., 1739 – Грамота Анны Иоанновны хану Большой орды Юлбарысу. Д. 4864 / Отдел редких рукописей. 1739 г. Научная библиотека Казанского Федерального университета Республики Татарстан.

Грамота..., 1771 – Грамота Екатерины Второй Нуралы хану. Д. 4876 / Отдел редких рукописей. 1771 г. Научная библиотека Казанского Федерального университета Республики Татарстан.

- Грамота..., 1789** – Грамота Екатерины Второй к султану и старшинам Байулинского рода. СПб. 1789. Д. 4875// Отдел редких рукописей. 1789 г. Научная библиотека Казанского Федерального университета Республики Татарстан.
- Далаева, Султангалиева, 2022** – Далаева Т.Т., Султангалиева Г.С. Визуальная антропология новой социальной истории Казахстана XIX – нач. XX. Монография. Алматы, ИД «Жибек Жолы», 2022. 240 с.
- Дубровицкий, 2010** – Дубровицкий В.В. Мотивы присоединения Средней Азии к России: от идеологических домислов и эмоциональных оценок к геополитическому анализу. // *История и современность*. Вып. №2 (12). 2010. С. 86-111.
- Ерофеева, 2001** – Ерофеева И.В. Символы Казахской государственности. Алматы: Аркаим, 2001. 152 с.
- Ерофеева, 2007** – Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик». Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 484 с.
- Ерофеева, 2018** – Ерофеева И.В. Рыцарь «звание чести». Казахский батыр Бокенбай Карабатырулы. – Алматы, Servis Press, 2018. 288 с.
- Из истории..., 2019** – Из истории казахско-российских отношений. XVIII век. Сборник документов / Сост.: Сирик В.А. Алматы: Литера-М, 2019. 522 с.
- Избасарова, 2022** – Избасарова Г.Б. Западный Казахстан в региональной политике Российской империи (XVIII – начало XIX вв.): монография. Актобе, 2022. 358 с.
- Касымбаев, 1999** – Касымбаев Ж.К. Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). Алматы: Білім, 1999. 207 с.
- Крадин, 2020** – Крадин Н.Н. Кочевники и всемирная история. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2020. 416 с.
- Кожакұлы и др., 2020** – Кожакұлы О., Спандияр А.С. История казахско-башкирских отношений. Отан тарихы №4 (92) 2020. С. 151-164.
- Мазур, 2015** – Мазур Л. Визуальная история: новый поворот в развитии исторического познания // *Quaestio Rossica*. 2015. №3. С. 160-178.
- Мұқтар, 2008** – Мұқтар А.Қ. Тарих тұңғығындағы тұлғалар (18-19 ғғ.): ғылыми мақалар жинағы / Алматы: Арыс, 2008. 240 б.
- Мұқаметханұлы, 2010** – Мұқаметханұлы Н. Дипломатиялық қатынастар және қытайтану мәселелері: монографиялық зерттеулер. Алматы, 2010. 204 б.
- Письма калмыцких ханов, 2009** – Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713-1771 гг.): избранные. Author, Данара Аксеновна Сусеева. Publisher, Джангар, 2009. 991 с.
- Политические портреты..., 2022** – Политические портреты лидеров Младшего жуза в XVIII – I половины XIX веков в отечественной и зарубежной историографии. Коллективная монография: под ред. Г.А. Шотановой. Алматы: ИП «Мадияр», 2022. 296 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Румянцев, 1910** – Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб, 1910. 66 с.
- Семенов, Горбовский, 1992** – Семенов Ю., Горбовский А. Страх у подножия трона. Алма-Ата: Шабьт, 1992. 128 с.
- Сулейменов, Басин, 1981** – Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. 247 с.
- Трепавлов, 2018** – Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI – XIX вв. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2018. 320 с.
- Турсынов и др., 2017** – Турсынов Е.Д., Жаксылыков А.Ж., Наурызбаева А.Б., Жанабаев К., Акберды У. Жырау: статус, функции, культура, мировоззрение. Монография. Семей, 2017. 325 с.
- Ужкенов и др., 2020** – Ужкенов Е.М., Шотанова Г.А. Внешние факторы политического кризиса в казахских степях (вторая половина XVIII – начало XIX вв.) // *E-histoty.kz*. №1 (22). 2020. С. 437-451.
- Хапизов, 2013** – Хапизов Ш.М. Ума-нуцал (Умахан) Великий (очерк истории Аварского нуцальства второй половины XVIII в.). Махачкала, 2013. 216 с.
- Хафизова, 2019** – Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII – XIX веках. Монография. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 480 с.
- Цинская империя..., 2019** – Цинская империя и Казахские ханства. Составители Хафизова К.Ш., Моисеев В.А. Второе издание (исправлено и дополнено). Ответ. Редактор Хафизова К.Ш. Нур-Султан, 2020. 344 с.
- Эпистолярное наследие..., 2014** – Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг.: Сборник исторических документов в 2-х томах / Автор проекта, введения, биографии ханов, научных комментариев; составитель и ответственный редактор И.В. Ерофеева. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. 696 с.
- Atkinson, 1858** – Atkinson T.W. Oriental and Western Siberia. A Narrative of seven years explorations and adventures in Siberia, Mongolia, the Kirgiz Steppes, Chinese Tartary and Part of the Central Asia, with a map and numerous illustrations. London, 1858.

- [Eversman, 1823](#) – *Eversman E.* Reise von Orenburg nach Buchara von Eduard Eversmann, Berlin, 1823. 35 p.
- [Forster, 1798](#) – *Forster G.* Journey from Bengal to England, through the northern part of India, Kashmire, Afghanistan and Persia, and into Russia, by the Caspian sea, vol. I–II, London, 1798. 302 p.
- [Izbassarova et al., 2023](#) – *Izbassarova G.B., Maden A.T., Smagulova S.O.* The Crisis of Khan Power in the Junior Horde of the Kazakhs (second half of the XVIIIth – first quarter of the XIXth centuries) // *Bylye Gody*. 2023. 18(1). DOI: 10.13187/bg.2023.1.76
- [Shotanova et al., 2022](#) – *Shotanova G.A., Uzhkenov E.M., Dzhumagaliyeva K.V.* The Steppe Elite of the Kazakhs of the Junior Horde in the Period of Vassalage: New Approaches and Problems of Rethinking // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 590-603. DOI: 10.13187/bg.2022.2.590

References

- [Abdildabekova, 2012](#) – *Abdil'dabekova, A.M.* (2012). Izuchenie kazahsko-russkikh otnoshenij XVIII – XIX veka v rossijskij issledovaniyah konca XX veka [The study of Kazakh-Russian relations of the XVIII – XIX century in Russian studies of the late twentieth century]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 5(5): 136. [in Russian]
- [Atkinson, 1858](#) – *Atkinson, T.W.* (1858). Oriental and Western Siberia. A Narrative of seven years explorations and adventures in Siberia, Mongolia, the Kirgiz Steppes, Chinese Tartary and Part of the Central Asia, with a map and numerous illustrations. London.
- [AVPRI](#) – Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].
- [Azhigali, Beknazarov, 2007](#) – *Azhigali, S.Ye., Beknazarov, R.A.* (2007). Khan molasy – mesto zakhroneniya Abulkhair-khana (ok. 1680-1748) [Khan Molasi – burial place of Abulkhair Khan (c. 1680-1748)]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana*. 2: 11. [in Russian]
- [Dalaeva, Sultangaliyeva, 2022](#) – *Dalaeva, T.T., Sultangaliyeva, G.S.* (2022). Vizual'naya antropologiya novoj social'noj istorii Kazakhstana XIX – nach. XX [Visual anthropology of the new social history of Kazakhstan XIX – early XX]. Monografiya. Almaty, ID “Zhibek Zholy”. 240 p. [in Russian]
- [Dubovickii, 2010](#) – *Dubovickii, V.V.* (2010). Motivy prisoedineniya Srednej Azii k Rossii: ot ideologicheskikh domyslov i emocional'nyh otsenok k geopoliticheskomu analizu [Motives for the annexation of Central Asia to Russia: from ideological speculation and emotional assessments to geopolitical analysis]. *Istoriya i sovremennost'*. 2(12): 86-111. [in Russian]
- [Epistolyarnoe nasledie..., 2014](#) – *Epistolyarnoe nasledie kazahskoj pravvyashchej elity 1675–1821 gg.* [Epistolary legacy of the Kazakh ruling elite of 1675–1821]. Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-h tomah. Avtor proekta, vvedeniya, biografii hanov, nauchnykh kommentarijev; sostavitel' i otvetstvennyj redaktor I.V. Erofeeva. T. I. Pis'ma kazahskikh pravitelej. 1675–1780. Almaty: AO «ABDI Kompani». 696 p. [in Russian]
- [Eversman, 1823](#) – *Eversman, E.* (1823). Reise von Orenburg nach Buchara von Eduard Eversmann [Journey from Orenburg to Bukhara by Eduard Eversmann]. Berlin. 35 p. [in German]
- [Erofeeva, 2001](#) – *Erofeeva, I.V.* (2001). Simvoly Kazahskoy gosudarstvennosti [Symbols of the Kazakh statehood]. Almaty: Arkaim. 152 p. [in Russian]
- [Erofeeva, 2007](#) – *Erofeeva, I.V.* (2007). Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik [Khan Abulkhair: commander, ruler, politician]. Almaty: Dayk-Press, 484 p. [in Russian]
- [Erofeeva, 2018](#) – *Erofeeva, I.V.* (2018). Rytsar' «zvaniye chesti». Kazahskiy batyr Bokenbay Karabatyryly [Knight «title of honor». Kazakh batyr Bokenbai Kabatyryly]. Almaty, Servis Press, 288 p. [in Russian]
- [Forster, 1798](#) – *Forster, G.* (1798). Journey from Bengal to England, through the northern part of India, Kashmire, Afghanistan and Persia, and into Russia, by the Caspian sea, vol. I–II, London, 1798. 302 p.
- [GAOrO](#) – Gosudarstvennyi arhiv Orenburgskoi oblasti [State Archive of the Orenburg Region].
- [GART](#) – Gosudarstvennyi arhiv Respubliki Tatarstan [State Archives of the Republic of Tatarstan].
- [Gramota imperatrissy..., 1739](#) – *Gramota* Anny Ioanovny khanu Bol'shoy ordy Yulbarysu. D. 4864 [Diploma of Anna Ioannovna to the khan of the Great Horde Yulbarysu. D. 4864]. Otdel redkikh rukopisey. Nauchnaya biblioteka Kazanskogo Federal'nogo universiteta Respubliki Tatarstan. [in Russian]
- [Gramota imperatrissy..., 1771](#) – *Gramota* Yekateriny Vtoroy Nuraly khanu. SPb. D. 4876 [The letter of Catherine the Second Nuraly Khan]. Otdel redkikh rukopisey. Nauchnaya biblioteka Kazanskogo Federal'nogo universiteta Respubliki Tatarstan. [in Russian]
- [Gramota imperatrissy..., 1789](#) – *Gramota* Yekateriny Vtoroy k sultanu i starshinam Bayulinskogo roda. SPb. D. 4875 [The letter of Catherine the Second to the Sultan and the elders of the Bayulin family. St. Petersburg. 1789]. Otdel redkikh rukopisey. Nauchnaya biblioteka Kazanskogo Federal'nogo universiteta Respubliki Tatarstan. [in Russian]
- [Iz istorii..., 2019](#) – *Iz istorii kazahsko-rossijskikh otnoshenij. XVIII vek* [From the history of Kazakh-Russian relations. XVIII century.]. Sbornik dokumentov. Sost.: Sirik V.A. Almaty: Litera-M. 522 p. [in Russian]

- [Izbasarova, 2022](#) – *Izbasarova, G.B.* (2022). Zapadnyj Kazahstan v regional'noj politike Rossijskoj imperii (XVIII – nach. XIX vv.) [Western Kazakhstan in the regional policy of the Russian Empire (XVIII – early XIX centuries)]. Monografiya. Aktobe. 358 p. [in Russian]
- [Izbassarova et al., 2023](#) – *Izbassarova, G.B., Maden, A.T., Smagulova, S.O.* (2023). The Crisis of Khan Power in the Junior Horde of the Kazakhs (second half of the XVIIIth – first quarter of the XIXth centuries). *Bylye Gody*. 18(1). DOI: 10.13187/bg.2023.1.76
- [Kasymbayev, 1999](#) – *Kasymbayev, Zh.K.* (1999). Gosudarstvennyye deyateli kazakhskikh khanstv (XVIII v.) [Statesmen of the Kazakh khanates (XVIII century)]. Almaty: Bilim. 207 p. [in Russian]
- [Khafizova, 2019](#) – *Khafizova, K.Sh.* (2019). Stepnyye vlastiteli i ikh diplomatiya v XVIII – XIX vekah [Steppe rulers and their diplomacy in the XVIII – XIX centuries]. Monografiya. Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK. 480 p. [in Russian]
- [Khapizov, 2013](#) – *Khapizov, Sh.M.* (2013). Uma-nutsal (Umakhan) Velikiy (oчерk istorii Avarского nutsal'stva vtoroy poloviny XVIII v.) [Uma-nutsal (Umakhan) the Great (essay on the history of the Avar Nutsaldom of the second half of the 18th century)]. Makhachkala, 216 p. [in Russian]
- [Kradin, 2020](#) – *Kradin, N.N.* (2020). Kochevniki i vseмирnaya istoriya [Nomads and world history]. SPb.: «Izdatel'stvo Olega Abyshko». 416 p. [in Russian]
- [Kodzhakuly, Spandiyar, 2020](#) – *Kodzhakuly, O., Spandiyar, A.Ch.* (2020). Istoriya kazakhstansko-bashkirskikh otnosheniy [The history of Kazakh-Bashkir relations]. *Istoriya Rodiny*. 4(92): 151-164. [in Russian]
- [Mazur, 2015](#) – *Mazur, L.* (2015). Vizual'naya istoriya: novyy povorot v razvitiі istoricheskogo poznaniya [Visual history: a new turn in the development of historical knowledge.]. *Quaestio Rossica*. 3: 160-178. [in Russian]
- [Muqamethanyli, 2010](#) – *Muqamethanyli N.* Diplomaticheskoye qatnastar jane qitaytanw maseleleri: monografiyalıq zertteveler [Diplomatic relations and problems of Chinese studies: monographic studies]. Almaty. 204 b. [in Kazakh]
- [Muktar, 2008](#) – *Muktar, A.* (2008). Tarih tungyiyndagy tulgalар (18–19 gg.) [Persons at the height of history (XVIII–XIX centuries)]. Almaty: Aris. 240 b. [in Kazakh]
- [Pisma kalmytskikh khanov..., 2009](#) – Pisma kalmytskikh khanov XVIII veka i ikh sovremennikov (1713–1771) [Letters of the Kalmyk khans of the XVIII century and their contemporaries (1713-1771)]. Izbrannoye. Avtor, Danara Aksenovna Suseyeva. Izdatel'stvo «Dzhangar». 991 p. [in Russian]
- [Politicheskie portrety..., 2022](#) – Politicheskie portrety liderov Mladshego zhuzha v XVIII – I poloviny XIX vekov v otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii [Political portraits of the leaders of the Younger Zhuz in the XVIII – I half of the XIX centuries in domestic and foreign historiography]. Kollektivnaya monografiya: pod red. G.A. Shotanovoj. Almaty: IP «Madiyar». 296 p. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive].
- [RGVIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive].
- [Rumyancev, 1910](#) – *Rumyancev, P.P.* (1910). Kirgizskij narod v proshlom i nastoyashchem [The Kyrgyz people in the past and present]. SPb. 66 p. [in Russian]
- [Semenov, Gordovskiy, 1992](#) – *Semenov, Yu., Gorbovskiy, A.* (1992). Strakh u podnozhiya trona [Fear at the Foot of the Throne]. Alma-Ata: Shabyt, 128 p. [in Russian]
- [Shotanova et al., 2022](#) – *Shotanova, G.A., Uzhkenov, E.M., Dzhumagaliyeva, K.V.* (2022). The Steppe Elite of the Kazakhs of the Junior Horde in the Period of Vassalage: New Approaches and Problems of Rethinking. *Bylye Gody*. 17(2): 590-603. DOI: 10.13187/bg.2022.2.590
- [Suleimenov, Basin, 1981](#) – *Suleimenov, B.S., Basin, V.Ya.* (1981). Kazahstan v sostave Rossii v XVIII – nachale XX veka [Kazahstan as part of Russia in the 18th – early 20th centuries]. Alma-Ata: «Nauka» KazSSR, 247 p. [in Russian]
- [Trepavlov, 2018](#) – *Trepavlov, V.V.* (2018). Simvoly i ritualy v etnicheskoj politike Rossii XVI – XIX vv. [Symbols and rituals in the ethnic politics of Russia in the 16th – 19th centuries]. SPb.: «Izdatel'stvo Olega Abyshko», 320 p. [in Russian]
- [Tsinskaya imperiya..., 2020](#) – Tsinskaya imperiya i Kazahskie hanstva [The Qing Empire and the Kazakh Khanates]. Sostaviteli Hafizova K.SH., Moiseev V.A. Vtoroe izdanie (ispravleno i dopolneno). Otvet. redaktor Hafizova K.Sh. Nur-Sultan. 344 p. [in Russian]
- [Tursynov i dr., 2017](#) – *Tursynov, E.D., Zhaksylykov, A.Zh., Naurzbaeva, A.B., Zhanabaev, K., Akberdy, U.* (2017). Zhyrau: status, funktsii, kul'tura, mirovozzrenie [Zhyrau: status, functions, culture, worldview]. Monografiya. Semei, 325 p. [in Russian]
- [Uzhkenov, Shotanova, 2020](#) – *Uzhkenov, E.M., Shotanova, G.A.* (2020). Vneshnie faktory politicheskogo krizisa v kazahskikh stepyah (vtoraya polovina XVIII – nachalo XIX vv.) [External factors of the political crisis in the Kazakh steppes (the second half of the XVIII – early XIX centuries)]. *E-history.kz*. 1(22): 437-451. [in Russian]
- [Valikhanov, 1985](#) – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). Sobraniye sochineniy v pyati tomah [Collected works in five volumes]. T. 4. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy Sovetskoy entsiklopedii. 461 p. [in Russian]

Vilson, 1901 – *Vulfson, E.S.* (1901). Kirgizy [Kyrgyz]. Moskva: Izdanie kn. magazina torgovogo doma S. Kurnin i Ko. 79 p. [in Russian]

Последние кочевники Евразии: потеря престижа верховной власти и кризис казахской государственности (на примере Младшего жуза)

Галия Айтжановна Шотанова ^{a, *}, Ернар Муратович Ужкенов ^b,
Зауре Сыздыковна Табынбаева ^b, Анар Дуйсенбаевна Арепова ^a

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются основные причины кризиса верховной власти у казахов Младшего жуза, что впоследствии и привело к потере независимости сначала на территории Западного Казахстана, а позже и остальных частей. Сами причины кризиса ханской власти были заложены в самой природе кочевого государства, где несмотря на право первородства и освященную веками династийную традицию, тем не менее сохранялись сильные позиции степной аристократии, причем не только у представителей «белой кости», но и кочевой знати из числа «черной кости».

К внешним причинам ликвидации государственности у казахов, добавились и внутренние причины, выразившиеся не только в усилении междоусобной борьбе, но и общим экономическим упадком всего центральноазиатского региона, связанный с последствиями джунгарского нашествия и кризисом городской культуры. По сути, Казахское государство в начале XVIII века являлось последним государством Евразии, где в полной мере кочевое хозяйство доминировало над другими формами жизнедеятельности. Хотя казахское общество традиционно относится к типам хозяйства, которые не столь сильно зависели от торговли с оседлыми центрами, тем не менее упадок городской культуры на юге, привел к усилению контактов с Российской империей на западе, севере и востоке страны, что в свою очередь сказалось на усилении экономической зависимости от российского рынка.

Ликвидация традиционного ханского статуса привела к различным сложностям в дальнейшем развитии консервативного общества казахов. Совокупные внутренние, внешние, экономические и культурные причины привели к падению престижа верховной власти, а как следствие и ее отмене со стороны царской администрации. Оттого авторы предприняли попытку восстановить картину внешнего и внутреннего положения в Казахской Степи после смерти последнего всеобщего казахского хана и проанализировать причины упадка Казахского государства. Ранее были многочисленные попытки ученых восстановить реалии политической жизни казахских ханов, которые с 30-х годов XVIII века начали ощущать на себе новые тяготы сложившейся к этому периоду ситуации, однако эти исследования в основном базировались на прежних, ранее устоявшихся подходах и, как правило, не учитывали менталитет, фольклорные источники и другие ранее не использовавшиеся подходы, что не могло не отразиться на искажении исторической реальности. Поэтому авторы в настоящей статье попытались восстановить общий исторический фон краха последнего государства кочевников Евразийских степей.

Ключевые слова: отмена власти, степная аристократия, Казахская Степь, протесты, Абулхаир-хан, Абылай-хан, калмыки, казачество, Джунгарское ханство, джунгары.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: galia8.09@mail.ru (Г.А. Шотанова)